

калмыков Хошеутовского улуса. СПб., 1852; Авляев Г.О. Происхождение калмыцкого народа (сер. IX-I четв. XVIII вв.). Издание второе. М.-Элиста, 1994; Митиров А.Г. Ойраты-калмыки: века и поколения. Элиста, 1998.

⁶ Пэрлээ Х. Там же. Яхтанигов Х. Северокавказские тамги. Нальчик, 1993.

⁷ Позднеев А. Калмыцко-русский словарь. СПб., 1911.

⁸ Пэрлээ Х. Там же.

⁹ Руководителями экспедиций в разное время были проф. Д. А. Павлов, проф. Р.П. Харчевникова, доц. А. В. Бадмаев, доц. М.У. Джимгиров, доц. П. А. Дарваев, ст. преп. Н.О. Кокшаева, ст. преп. П.Б. Федорова, доц. С. Б. Зольванов.

С.Г. Батырева

Фрески Тюменевского хурула

В XIX веке в Калмыкии наблюдается подъем местных живописных школ, призванных обеспечивать нужды верующих. У Г.С.Лыткина находим: «...калмыки...прилежно занимаются живописью и сами на материях пишут красками изображения их бурханов, чем заменяют недостаток вылитых бурханов»¹. Так, при храме в ставке князя Серебджаба Тюменя в Хошеутовском улусе имелись свои живописцы². Именно они – авторы монументальных росписей в главном здании хурула Хошеутовского улуса.

Два столетия отделяют стенные росписи ойратских монастырей-крепостей от монументальной живописи, богато украшавшей калмыцкие храмы. Сохранившееся здание Тюменевского хурула бывшего Хошеутовского улуса (ныне с. Речное Харабалинского района Астраханской области), сооруженного в первой трети XIX столетия, до сих пор хранит быстро разрушающиеся фрагменты стеной живописи. Уникальные на сегодня образцы монументальной храмовой живописи калмыков представляют собой выцветшие от времени фрагментарные изображения людей, птиц и цветов. Для колорита росписей характерно приглушенное сочетание голубого, зеленого, желтого и лилового с контурной обводкой рисунка.

В круглом башенном входе каменного храма еще можно видеть изображение журавлей и человека, летящего на птице. Чуть выше располагается плохо сохранившийся полукруглый живописный фриз, образованный размытыми теперь очертаниями пяти челове-

ческих фигур. Особой выразительностью отмечено изображение танцующего (?) монаха в длинном халате, подвязанном кушаком. Поза его исполнена живой непосредственностью движения. Бритая голова без головного убора, в правом ухе серьга, улыбающееся скуластое лицо. В высоко поднятой руке он держит небольшое круглое зеркальце, заставляющее вспомнить один из атрибутов шамана. На плече монаха – шестилапая лягушка, на которой, согласно калмыцкой космогонии, держится земной материк. Ее называют «золотой лягушкой» (калм. «алтн меклэ»), в живописных композициях храмов Калмыкии ей отводилось немаловажное место³.

Вторая слева фигура в противовес первой исполнена статично. Это мужчина с умным выражением бесстрастного лица, сидящий на сложенных по-калмыцки ногах. Одет он в богатый халат, расшитый драконами, на голове у него калмыцкая «хаджилга», четырехугольная шапка с красной круглой кистью на макушке. Вспомним, что само название народа «улан залата хальмг» дословно означает «калмык с красной кисточкой». Эта деталь головного убора, перешедшая от ойратов к калмыкам, получила широкое распространение в массах, служа как бы наглядным выражением их отличия от остальных монголов. Думаем, это – портрет конкретного и, по всей вероятности, светского человека, имевшего непосредственное отношение к строительству храма. Может быть, сам нойон Серебджаб Тюмень или его брат Батыр-Убаши Тюмень, руководившие строительством храма и всего хурульного комплекса? На коленях изображенный придерживает двумя руками развернутый свиток, который может быть и планом – проектом храма.

Центральная третья фигура из пяти сохранившихся своими очертаниями напоминает Белого Старца с посохом. Остальные фигуры едва различимы. Весь фигурный ряд дан в раме цветочного орнамента, выполненного трафаретом. Многочисленные росписи, по свидетельствам очевидцев – старожилов с. Речное, покрывавшие другие поверхности стен центрального здания Тюменевского хурула снаружи и в интерьере не сохранились. (В 1983 г. архитектор Б. Мошуддаев сделал копии с этих фресок).

Не сохранились и изображения львов внизу перегородки, отделяющей среднюю часть хурула от святилища. Они связаны сюжетом, как утверждает Н.Н. Пальмов, с народной песней о Лоузанг-Шуну⁴. Но хорошо просматриваются эти изображения на рисун-

ках братьев–художников Г.Н. и Н.Н. Чернецовых, ныне хранящихся в собрании Государственного Русского Музея. Они побывали в Тюменевке (так до революции называлось село) во второй половине XIX века, оставив после себя интересный краеведческий материал о калмыках, зафиксированный в графических произведениях.

Трудно сейчас представить в целом стенные росписи Тюменевского храмового комплекса, ныне почти полностью разрушенные временем. Были они и на внешней поверхности стен купольного входа в главное святилище. Еще в 1963 году здесь просматривалось изображение двух фигур, одетых в длиннополую монашескую одежду с повязками «оркимджи» через плечо⁵. А в интерьере второго яруса главного храмового здания был различим живописный фриз, изображавший жанровые сцены из жизни Цзонхавы, основоположника желтошапочного направления северного буддизма (калм. «шар махлата шажн»). Росписи делали местные хурульные живописцы, о которых пишет П.П. Небольсин в «Очерках быта калмыков Хошеутовского улуса»⁶. Они же, работая в иконописной мастерской при хуруле, восполняли нужды верующих в культовых полотнах.

Художники, как свидетельствуют современники, состояли почти при каждом храме. Но были еще и центры (школы) живописи, где получали профессиональные навыки и совершенствовались в своем мастерстве художники-иконописцы. Покровителем зурачи (художников-иконописцев – С.Б.) является Мандзушири, один из персонажей пантеона северного буддизма, как отмечает И.А. Житецкий, исследовавший быт астраханских калмыков⁷.

Явственно выражен фольклорный характер стеновых росписей хурула, по–любочному непринужденных и красочных. Отсутствие в фигурных композициях классических персонажей пантеона – будд и Бодхисаттв – можно объяснить существованием у калмыков в XVIII – начале XIX вв. развитой системы добуддийских воззрений. Их длительному сохранению способствует удаленность Калмыкии от традиционных культурных центров буддизма, и в связи с этим ослабление, а затем и прекращение контактов с Монголией и Тибетом. Последнее явилось закономерным результатом упразднения Калмыцкого ханства на территории России. Все это оказывало непосредственное влияние на дальнейшее развитие культового искусства. В живописи буддизма, в частности, наблюдается процесс вто-

ричной фольклоризации пантеона, полученного в наследство от ойратов. Это было обусловлено сильным воздействием народной художественной культуры: фольклора, мифологии, искусства.

¹ Позднеев А.М. Докладная записка министру А.А.Столыпину с отчетом о командировке А.М.Позднеева в калмыцкие улусы Астраханской и Ставропольской губерний и Войска Донского. Астр. губ.: Машинопись, 1910, 141 лл. (279 сс). РОГПБ. Ф.590. Ед.хр.146. С. 260.

² Очиров Н. Поездка в Александровский и Багацохуровский улусы Астраханских калмыков // Известия русского Комитета для изучения Средней и Восточной Азии. Серия 11, 2. СПб., 1913. С.79.

³ Миссионерский сборник статей и заметок о калмыках и киргизах, кочующих в Астраханской губернии. Астрахань, 1910. Ч.11. С.34.

⁴ Пальмов Н.Н. Этюды по истории приволжских калмыков. Часть 11 (XVIII век). Астрахань, 1927. С.219.

⁵ Один из изображенных в три четверти поворота ко входу – седовласый с белой бородой и усами. Выше был расположен орнаментальный ряд геометрического узора, выдержанный в желто-зеленом колорите. Записано со слов художника В.Д. Ханташова (1936-2001), делавшего замеры храма в августе 1963 года.

⁶ Небольсин П.И. Очерки быта калмыков Хошеутовского улуса. СПб., 1852. С.186.

⁷ Житецкий И.А. Очерки быта астраханских калмыков. М., 1883. С.64.

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Г.Ц. Пюрбеев

Из опыта научного сотрудничества Института языкознания РАН с Институтом языка и литературы АН Монголии

Институт языкознания РАН (ранее – АН СССР) на протяжении нескольких десятилетий активно сотрудничает с Институтом языка и литературы АН Монголии (АНМ). Начало научным связям было положено еще в 60-е годы прошлого века, когда на учебу в наш Институт приехали первые монгольские аспиранты. С годами роль Института языкознания в подготовке кадров высшей квалифика-